

S. Daukantas, palyginus su kitais XIX a. pirmosios pusės lietuvių tautosakos rinkėjais ir leidėjais, sukaupė daugiausia beveik visų pagrindinių žanrų lietuvių tautosakos. Tekstų leidiniai ir dauguma jo įvairiomis progomis tautosakos rinkimo, panaudojimo bei supratimo klausimais pasakytų minčių suvaidino didelį pažangų vaidmenį domėjimosi lietuvių tautosaka ir tautine kultūra istorijoje. S. Daukantas yra vienas žymiausių XIX a. pirmojoje pusėje lietuvių tautosaką rinkusių, skelbusių ir vertinusių žmonių. S. Daukanto XIX a. pirmojoje pusėje surinkti ir iki šių dienų išlikę gausūs tautosakos tekstai turi didelę mokslinę vertę.

РЕЗЮМЕ
REZIUME

СТОЯНКА КАМЕННОГО ВЕКА У РУЧЬЯ ВЕРСМИНИС I, ВАРЕНСКОГО РАЙОНА

А. БЕРНОТАЙТЕ

В июне 1954 г. Институт истории Академии наук Литовской ССР организовал исследование первой стоянки каменного века в юго-западной части республики. Производились раскопки стоянки у ручья Версминис I, вблизи деревни Марцинконис, Варенского района. Исследовано 32,5 м.² Еще не раскопано 150—200 м.² культурного слоя. В стоянке обнаружены два культурных слоя, относящиеся к периоду раннего и позднего неолита. В этих культурных слоях обнаружены три очага, в которых найдены кости, угли и несколько кремневых пластинок. Установлено, что угли — сосновые; часть костей — тетерева либо гося, другая часть — свиньи либо дикого кабана, а одна маленькая кость — крупного рогатого скота.

Найденные в культурных слоях кремневые изделия, как и находки в верхнем слое стоянки, относятся к тем же группам и имеют большое разнообразие форм. В стоянке найдено 426 целых кремневых изделий, более тысячи фрагментов кремневых изделий, 329 керамических осколков и множество пластинок и отщепок.

Самую большую группу составляют нуклеусы. Все они маленьких размеров и разнообразной формы — пирамидальные, шарообразные, четырехугольные и т. д. Близкой к нуклеусам группой являются топорики. Они составляют две подгруппы: 1) топорики с отсеченными камнями и 2) топорики с круглыми лезвиями. Кроме того, в культурном слое позднего неолита найден и один осколок отшлифованного топора.

Из мелких изделий, найденных в стоянке, самую большую группу составляют скребки. Преобладают пластиночные, продолговатые скребки. Часть их сделана из отщепок. Также найдены два двухконечных и два маленьких круглых скребка. Скребок с вогнутыми лезвиями найдено сравнительно мало. Они сделаны из отщепок и по своей форме очень разнообразны. Один из них, более крупный, имеет форму полумесяца, вогнутые и обтертые лезвия. Такие скребки редко встречаются в стоянках литовской территории. Резцы, найденные в стоянках, относятся к двум подгруппам: 1) резцы средние и 2) резцы боковые. В стоянке немного сверл и острий. Все они сделаны из кремневых пластинок и имеют неправильные формы. Особое внимание привлекает обильная разнообразная группа вставляемых в гарпуны пластинок. Некоторые из них сходны с короткими, косо отрубленными кончиками, стрелками. Не менее разнообразны и найденные в стоянке маленькие стрелы. Они составляют несколько отдельных подгрупп: долотовидные, черепковидные, сердцевидные, короткие, с косо отрубленными кончиками. В стоянке преобладают сердцевидные стрелы. Также найдены ножи с косо отрубленными кончиками и ретушированные пластинки. Помимо кремневых изделий, здесь

найдена гребенчатая керамика, близкая к гребенчатой керамике стоянки Тамулы в Эстонской ССР, и керамика, украшенная ямочками. Следует отметить черепок, имеющий незначительные штрихи с внутренней стороны, а сверху украшенный косыми продолговатыми неглубокими ямками, который, по-видимому, уже является прототипом литовской штрихованной керамики.

Хотя стоянка у ручья Версминис I еще окончательно не исследована, но по стратиграфии культурных слоев и найденным изделиям можно предположить, что люди впервые поселились здесь в первой половине неолита и прожили недолго. Они вели кочующий образ жизни, занимались охотой и рыбной ловлей. По неизвестным причинам некоторое время в этой стоянке люди не обитали.

Вторично поселились люди у ручья Версминис во второй половине неолита и жили, вероятно, до бронзового века. Они занимались охотой и рыбной ловлей — охотились за мелкой птицей и зверьми и предметами, изготовленными из местного кремня, обрабатывали меха и кости. Пищу готовили на кострах, а жили, вероятно, всего, в шатрах и в полуземлянках. Хотя в стоянке не обнаружено следов, указывающих на то, что ее обитатели занимались животноводством и земледелием, но можно предполагать, что они знали эти промыслы. Это могут подтвердить находки аналогичных стоянок Эйгуляй и Самонтонис. Сегодня трудно что-либо сказать о связях жителей этой стоянки с соседями и об их духовной жизни. Однако обилие мелких изделий указывает, что на жителей стоянки Версминис I некоторое влияние имела тарденуазная культура, проникавшая в Литву с Юга. Только по окончании раскопок в данной стоянке можно будет дополнить имеющиеся сведения и уточнить ее хронологию. Все это даст больше сведений о каменном веке в нашей стране.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НЕМЕНЧИНСКОГО ГОРОДИЩА

П. КУЛИКАУСКАС

Неменчинское городище находится в 23 км севернее города Вильнюс, близ районного центра Неменчине, у деревни Пилякальнис. Оно занимает мыс на правом берегу речки Неменчинеле.

Площадка городища ровная, длина около 90 м, ширина северной части 45 м. Общая ее площадь около 2000 м². По середине площадка разделена ровом на две неравные части. С северной стороны городище окружает мощный вал. Длина вала около 45 м, высота 5,5 м, ширина верхней части 3 м. Склоны городища крутые.

Неменчинское городище раскапывалось в течение 1952, 1953 и 1954 годов. Во время раскопок была вскрыта вся южная часть площадки городища, часть северной ее оконечности, исследован ров, часть западного склона, сделан разрез вала по его середине и заложен пробный раскоп у подножья юго-западной части склона городища. Всего исследовано около 1500 м² культурного слоя.

Культурный слой Неменчинского городища значительный. Он более интенсивен в южной части площадки и на западном склоне и достигает 1,80—2 метров мощности. Выделено два горизонта культурного слоя:

верхний, более позднего времени, и нижний — раннего времени. Это свидетельствует о двух периодах существования городища, а именно: 1) городище возникло в первых веках нашей эры и оно имело небольшие размеры, 2) в IX—XIII вв. городище стало мощной крепостью.

В раннем периоде поселение находилось в южной части городища. К этому периоду поселения относятся 8 очагов, больших размеров яма, обнаруженная у восточного края площадки, и разные предметы: орудия труда, украшения, штрихованная керамика и др.

Здесь обнаружены открытые очаги двух типов: сложенные из камней и сделанные из глины. Около очагов концентрировались большие кучи обожженной глины. Очаги имели форму овала, их величина — 155×135 см. Для нижнего культурного слоя характерны следующие предметы: штрихованная тонкая керамика, грузики дьяковского типа, бронзовые спиральные и плоские височные кольца, железные ножи, серпы, долота, зернотерки и др.

В следующем периоде, в IX—XIII вв., городище было заново перестроено. В это время в середине площадки городища был сооружен ров, а в северной части — мощный вал.

Основа вала была сооружена из каменной кладки 6 м ширины и 2 м высоты и поверх ее — из утрамбованной глины. К этому позднему периоду относится верхний горизонт культурного слоя, для которого очень характерны каменные кладки. Каменные кладки концентрировались то отдельными небольшими группами, то занимали сплошные площади. Между камнями обнаружено большое количество глиняной обмазки, угля; это позволяет сделать предположение, что каменные кладки употреблялись при постройке домов. Ими вымачивались дворы, некоторые помещения, а также укреплялись склоны городища, их употребляли для сооружения оборонительных стен.

В верхнем горизонте культурного слоя найдены также открытые очаги из камней, большое количество керамики, кости животных, жернова и некоторое количество шиферных пряслиц и металлических предметов. Из металлических предметов можно упомянуть подковообразную фибулу, плоскую круглую фибулу, кресало и др. Костяных предметов как в нижнем, так и в верхнем культурном слоях найдено мало. Для верхнего культурного слоя характерна керамика, сделанная на гончарном круге, орнаментированная волнистыми орнаментами, вдавленными параллельными линиями, и др.

За время исследования Неменчинского городища найдено всего около 4000 фрагментов керамики, 202 разных предмета, 14 зернотерок и 2 жерновых камня. Найденные предметы позволяют сделать вывод о том, что с начала нашей эры основным занятием обитателей городища было земледелие и скотоводство. Об этом свидетельствуют найденные серпы, зернотерки, жернова, а также большое количество зерен. Анализ установил наличие зерен пшеницы, ячменя, проса, овса, гороха, бобов, вики и конопли.

Наряду с земледелием развивалось и животноводство. На Неменчинском городище найдены кости крупного и мелкого рогатого скота и др. В начале нашей эры большую роль играла охота. В нижнем горизонте культурного слоя 50% найденных костей составляют кости охотничьей фауны, а в верхнем горизонте культурного слоя преобладают кости всех видов домашних животных. Обитатели Неменчинского городища прекрасно знали и гончарное дело, а также обработку металла, о чем свидетельствует большое количество найденной керамики, грузиков, железного шлака, несколько криц железа и две домницы для плавки

железа. Довольно развиты были ткачество и другие домашние промыслы.

Городище было покинуто в XIV веке. Впоследствии населенными пунктами остались деревня Пилякальнис и немного позже — местечко Неменчине.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ В МИГОНИС (ЕЗНАССКИЙ РАЙОН)

Р. ВОЛКАЙТЕ-КУЛИКАУСКЕНЕ

Деревня Мигонис хорошо известна археологам по всему комплексу археологических памятников: городища, селища и курганная группа, которую составляют 36 курганов. Все эти памятники были исследованы в 1954 и 1955 годах.

Исследованное городище Мигонис, расположенное в 4 км к югу от местечка Круонис на левом берегу речки Круоне, принадлежит к числу так называемых миниатюрных городищ. Его основные черты следующие: очень маленькая площадка (неполных 100 м²), крутые склоны и довольно крупные укрепления в виде вала, окружающего южную часть площадки. Высота вала 4 м, длина — 18 м.

Во время раскопок на площадке обнаружен очень мощный культурный слой, достигающий местами 2,60—2,80 м. По краям площадки, в западной, южной и восточной ее части, на глубине 1,40 м открыты каменные кладки, которые показались уже в 40—60 см от поверхности земли (рис. 5). В южной части указанные каменные кладки находились под валом. На глубине 1,60—2,00 м, тоже по краям площадки, особенно в западной ее части, открыты обугленные бревна, длина которых достигала до полутора метра. Бревна лежали ниже каменных кладок и несколько в стороне от нее.

Сделанный разрез вала показал, что он возвышался постепенно: удалось проследить 4 основных этапа в его строении. Сначала вал был небольшой: 1,2 м в высоту и 4—5 м в ширину, затем он был укреплен до 2 м высоты и 6—7 м ширины в основании. Кроме того, он был окружен деревянным забором. После уничтожения этих укреплений вал постепенно укрепляли, пока он не достиг 3 м высоты и 10—11 м ширины. Кроме того, были сооружены в виде забора мощные деревянные укрепления, которые шли по валу, спускались вниз и окружали всю площадку. Именно остатки этого забора были открыты в западной части площадки в виде обугленных бревен. В последний раз вал был насыпан до 4 м высоты и 14 м ширины (рис. 7).

Вал сооружался за счет площадки, которая все время постепенно уменьшалась и становилась неудобной для постоянного жилья. Поэтому городище было запущено, а заселено его подножье, особенно в восточной, южной и западной частях, где обнаружен культурный слой до 50 см толщины. Само городище в последнее время использовалось только как убежище.

Исследованное селище у подножья городища (около 350 м²) дало большое количество керамики, особенно с шероховатой и штрихованной поверхностью. Здесь найдены глиняные пряслицы, железные шилья, фрагменты костяного гребешка и другие изделия (рис. 14). В одном из сделанных раскопов (3) были открыты остатки 2 очагов из камней (рис. 13).

Исследованные курганы выявили погребальные обряды: умершие погребались несожженными в ямах под курганной насыпью. Некоторые курганы (№ 19 и № 14) имели даже два каменных венка: наружный и центральный; последний находился выше, уже в самой насыпи (рис. 16).

Все исследованные памятники относятся к первым векам н. э., в особенности, к середине I тысячелетия н. э. Судя по найденному инвентарю, а также по погребальным обрядам, Мигонские археологические памятники являются типичными для восточной части Литвы.

ИССЛЕДОВАНИЯ КУРГАНОВ В ШАЛЬЧИНИНКСКОМ РАЙОНЕ

А. ТАУТАВИЧЮС

До последнего времени юго-восточная часть Литвы — территория Шальчининкского района — была почти не исследована в археологическом отношении. Проведенная в 1951—1952 г. и в 1955 г. разведочная экспедиция показала, что наибольшее количество археологических памятников находится в южной части района (рис. 1). Здесь в 1951—1952 гг. были проведены пробные раскопки. В 6 курганных могильниках Институт истории АН Лит. ССР исследовал 28 курганов. В статье публикуются материалы этих раскопок.

В лесу, около деревни Пошкой, находится курганный могильник из 24 курганов. Были исследованы 4 кургана, которые имели в диаметре 6—7 м и 60—80 см высоты. Курганы обложены камнями. В каждом кургане найдено одно погребение с трупосожжением (рис. 2, 3). Найденные в погребении кургана № 2 железная арбалетовидная фибула и овальная пряжка, а также структура курганов и погребальный инвентарь указывают, что исследованные курганы относятся к V—VI вв. н. э.

В лесу Баровки находилось 6 курганов, из которых 1 исследован. Курган имел 9,5 м в диаметре и 70 см высоты, а подножье его окружали три продолговатые ямы. В насыпи найден каменный венец и два погребения с трупосожжением без погребального инвентаря (рис. 4). Курган датируется VI—VIII вв. н. э.

В деревне Касткишкес находилось 9 курганов. Один из них был исследован. Он был 7 м в диаметре и 0,6 м в высоту, частично сложенный из камней. В насыпи найдено погребение с трупосожжением. Погребальный инвентарь составляют серпик, удила и пряжка (рис. 5). Курганы можно отнести к VII—VIII вв. н. э.

В лесу около Девенишкес находилось 8 курганов, из которых исследовано 6 курганов. Курганы № 3 и 4 частично были сложены из камней. В этих курганах найдены погребения с трупосожжением без погребального инвентаря. Они относятся приблизительно к VI в. н. э. Курганы № 5 и 6 насыпаны из песка, с ничтожными остатками каменных венцов и с погребениями в виде трупосожжения, относящегося к VII—VIII вв. н. э. В кургане № 1 найдено погребение с трупосожжением коня. Погребальный инвентарь составляли серп, удила, стремяна, пряжка и другие остатки упряжки. Курган с погребением сожженного коня относится к IX—X вв. и имеет еще каменный венец (рис. 6, 7, 8). Курган № 2 был уже без венца с погребением трупосожжения в насыпи.

Таким образом, курганный могильник датируется V—X вв. н. э.

В лесу около Стакай находится курганный могильник. В нем около 50 курганов. В восточной части могильника курганы имеют низкие насыпи и обложены каменными венцами. Здесь было исследовано 5 таких курганов. В них найдены погребения с трупосожжением. В одном кургане находится от 1 до 3 погребений (рис. 9). Немногочисленный погребальный инвентарь указывает, что погребения относятся к II—V в. н. э.

В западной и северной части могильника находятся курганы с более высокой насыпью и обведены вокруг ровиком. В этой части могильника исследованы три кургана. В одном из них погребения не найдено. В насыпи другого кургана найдено погребение сожженного коня (рис. 10, 11). В третьем кургане найдены пять погребений с трупосожжением. Погребальный инвентарь составляли стеклянные бусы, фрагменты шейных гривен, перстень и другие изделия. Таким образом, погребения курганов с более высокой насыпью относятся к IX—XII вв.

В полях и в лесу деревни Диджюляй было 14 курганов, которые составляют остатки большого курганного могильника. Исследовано 7 курганов без каменных венцов. В двух курганах найдены кострища с остатками сожженного коня или коня с человеком (рис. 12). В насыпи большого кургана (диаметр 11 м, высота 2 м) найдено погребение с трупосожжением и предметами конского снаряжения. В остальных курганах найдены погребения с трупосожжением без погребального инвентаря, или погребений не найдено. Раскопки показали, что этот курганный могильник относится к IX—XII вв. н. э.

КОНСКОЕ СНАРЯЖЕНИЕ МОГИЛЬНИКА ВЕРШВАЙ

О. НАВИЦКАЙТЕ

В статье освещается конское снаряжение могильника Вершвай, который находится на правом берегу реки Нямунас, в пределах города Каунас. В этом могильнике, кроме людских погребений, вскрыто 203 погребения с конями. Здесь вскрыто наибольшее количество конских погребений, встречающихся в Литве, а также обнаружено много вещевой находки.

Кони здесь погребались с богатым снаряжением. Почти в каждой конской могиле найдены остатки уздечек, которые состояли из скрещенных ремней, скованных бронзовыми, свинцовыми и серебряными пластинками. К уздечкам нередко прикреплялись ряды бронзовых шаровидных бубенчиков, а иногда одиночные ведеркообразные железные колокольчики. Уздечки украшались не только бубенчиками, но и бронзовыми спиралями, пластинками, а также янтарными бусами. Оковки уздечки были всегда нарядные и часто покрыты серебряными пластинками.

Частой находкой в конских погребениях являются железные удила. Удила по своей конструкции разделяются на двухчленные и трехчленные. Весьма интересны удила с псалами. Псали чаще всего железные, слегка изогнутые, в виде полумесяца. Кроме железных псалей, найдены удила с бронзовыми и костяными псалами. Выделяются бронзовые псали с скульптурными изображениями конских голов. Подобный вид имели и костяные псали.

От седел сохранились только стремена. Все стремена с широким изогнутым или прямым основанием и круглой или плоской дужкой. Своей нарядностью выделяются стремена, найденные в могиле с 8-мью конями № 82, орнаментированные растительным мотивом и серебряной инкрустацией.

Кроме стремени, найдены и остатки попоны. Остатки попоны были найдены в конском погребении № 108. Эта попона была шерстяной и украшена орнаментированными бронзовыми пластинками.

Кони погребались не только со снаряжением, но и с украшениями. На шею вешали массивные спиральные бронзовые гривны с петельчатыми и коническими концами. На хвост надевались бронзовые пластинчатые «браслеты».

Интересными находками в конских погребениях являются железные, покрытые серебром разделители ремней, заканчивающиеся головками в виде рыбки. Кроме разделителей, значительную часть инвентаря составляли различной формы железные пряжки.

Конские погребения не одинаковы по богатству инвентаря. Наиболее богатым было погребение № 82 с 8-мью конями, в котором найдено много различных изделий, значительная часть которых украшена серебром.

Конское снаряжение характерно для X—XIV вв.

ИЗ БЫТА ЖИТЕЛЕЙ ГОРОДА ВИЛЬНЮС В XIV в.

А. ТАУТАВИЧЮС

Осенью 1955 г. в г. Вильнюс во время строительства дороги в Долину песен (Дайну сленис) и сравнения дна долины между горами Голой, Бекеша и Столовой, были найдены каменные кладки, куски жженной глины, кости животных, черепки и другие находки. С целью установления времени происхождения этих остатков, в 1956 г. с 26 апреля по 14 мая были проведены пробные археологические раскопки.

Во время раскопок найдены остатки вала, который закрывал долину с запада, от реки Нерис. В 45 м от вала, у подножья горы Голой, были вскрыты остатки сгоревшего деревянного жилого дома 4,7×4,8 м величины. Дом имел пол из тесаных досок. В западном углу находились остатки печи из глины и камней, а у юго-западной стены под полом находился маленький подвал. На расстоянии 1,9 м от жилого дома найдены остатки сгоревшего хлева вместе с животными.

В постройках и вокруг них найдено много гончарной керамики с волнистым и линейным орнаментом, костей домашних животных, остатки зерен, а также ножи, цилиндрические и четырехугольные замки, ключи, шилья, ножницы, ложка, каменная пряслица, пряжки, бронзовое кольцо и др. Около южного угла жилого дома найдено костяное яйцо.

Археологические материалы этих раскопок близки материалам раскопок 1933 и 1939 гг. на горе Бекеша и относятся к XIV в.

Вскрытые остатки сгоревших построек показали, что данные о быте жителей г. Вильнюс в некоторых письменных источниках XV—XVI вв. (Опись Вильнюса в атласе Г. Брауна) очень неточные. Собранные материалы (в особенности керамика, цилиндрические замки, ложка, яйцо) указывают на тесные связи жителей этой части города Вильнюс в XIV в. с материальной культурой восточных славян.

НАМАС («НУМАС») — ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ ТИП ЛИТОВСКОЙ ЖИЛОЙ ПОСТРОЙКИ

К. ЧЕРБУЛЕНАС

В историческом развитии литовского народа известны два типа жилых построек: дом — намас (*namas*) (на жемайтском наречии — нумс — номс) с огневищем и избы: пиркя (*pirkia*) (аукштайтская), — троба (*troba*) (жемайтская) с печью. В прошлом намас имел двойное назначение: в нем проживали люди и содержался скот. Пиркя — троба имела одно назначение: в ней жили только люди. В эпоху феодализма эти две постройки наряду с другими постройками встречались в комплексе литовских крестьянских усадеб.

Намас был первым литовским жилым помещением. О нем широко писали авторы XV—XVIII вв. (И. Длугош, С. Герберштейн, И. Ласициус, М. Преторий, Т. Лепнер и др.). Намас в силу традиций сохранился в единичных случаях до нашего времени лишь в виде постройки хозяйственного назначения XVIII в. (для содержания скота и приготовления корма для него) в Плуңгеском, Ретавском и других районах Жемайтии.

Намас является характерным образцом старого литовского зодчества и ценным объектом в этнографическо-архитектурном отношении.

Его плано-объемное решение составляет несколько помещений.

Основным и главным помещением этой постройки был намас с огневищем. Помещение это было без потолка, а над огневищем был оборудован колпак (пакряте — *pakriautė*), разной конструкции и формы, у огневища был крюк (вашас — *važšas*), на который вешали котел.

К концу этого помещения примыкал намогалис (*namogalis*) из одного-двух помещений, предназначенных для содержания скота. Под боковыми навесами были оборудованы малые хлева.

Главный ход был устроен с конца намаса. Здесь находилась коморка, в которой спали и держали одежду. У входной двери было оборудовано полуоткрытое разной формы крыльцо (лепис — *lėpis*).

Наружные архитектурные формы намаса монументальны. Снаружи его доминирует крыша. Пропорциональное соотношение ее плоскостей 3/4, реже 2/3 всей высоты намаса.

Старый намас с огневищем был характерной постройкой первобытной общины и частично в эпоху феодализма для всей населенной литовцами территории: Жемайтии, бывш. Восточной Пруссии и Аукштайтии.

В результате исторического развития намас двойного назначения не соединился с избой (пиркя-троба) и не стал ее частью — прихожей (примене — *priemenė*) в комплексе помещений, как это считал А. Беценбергер.

Намас также не преобразовался в избу (пиркя-троба), он не был и прототипом современной литовской жилой постройки.

Намас с огневищем с течением времени стал постройкой хозяйственного назначения — хлевом, а его главное помещение с огневищем некоторое время служило летней кухней или местом для приготовления корма для скота (животных).

В период распада феодализма (с XVIII в.) вновь строящийся намас не был повторением его старого варианта. Вместо него стали строить новый вариант намаса со входами с боков, который по своим формам наружной архитектуры был близок отдельно строящимся свинарникам.

Плано-объемное решение намаса, его наружные формы и другие характерные для него архитектурные фрагменты существенно отличаются от построек аналогичного назначения в других краях.

СФОРМИРОВАНИЕ ЛИТОВСКОГО НАРОДНОГО ЖИЛОГО ДОМА

В. ЖИЛЕНАС

Древнелитовское строение, так наз. намас (*namas*) с открытым очагом, но без печки, до XVI века встречалось по всей Литве, а не только в Жемайтии, как это до сих пор предполагалось. Постройка намас прекратилась только в XVI веке, однако в редких случаях отдельные строения — намысы удержались до XX века. Особенно это характерно для Жемайтии. Последнее аукштайтское строение — намас сгорело в 1923 году в деревне Дегесяй в Ашмянском районе, а в Жемайтии несколько их сохранилось до 1940 года. Оставшиеся аукштайтские и жемайтские строения — намысы использовались только как хлевы. Люди в них не проживали.

В древности строения — намысы были общим помещением для скота и людей. Нет сомнения, что первичная постройка — намас состояла из одного помещения, однако постройки, сохранившиеся до XVI века, имели уже несколько помещений: кроме центрального с открытым очагом, так называемого намас, имелась еще: комора, в которой спал хозяин, намогалис (*namogalis*), в котором держали скот, и лепис (*lėpis*) — нечто вроде веранды. Возле намаса обыкновенно находился еще скотный двор, так наз. диендаржис (*diendaržis*), по-жемайтски лайдарас (*laidaras*). Диендаржис («дневной двор»), как на это уже указывает само слово, представлял собой огороженный жердями двор, в котором днем находился скот. Диендаржис был без крыши.

С течением времени древнелитовский намас видоизменялся; в Литве он исчез при развитии феодальных отношений.

Процесс его исчезновения еще больше ускорился с возникновением хлебного рынка. Появилась необходимость удобрять землю. Древнелитовский намас с диендаржисом уже не смог удовлетворить новых нужд страны. С этой целью феодалы, на основании законов, заставляли крепостных крестьян строить новые помещения для скота. Например, в 1692 г. в одном документе предписывалось крепостным крестьянам не держать скот в строениях намас, а строить помещения для скота по образцу, названному в источниках «подляским». Одновременно давались указания, как следует строить эти помещения: они должны быть обращены воротами к югу, стены их делать из жердей, положенных между специально вкопанными в землю столбами, и обмазывать глиной для сохранения тепла; открытый двор следовало располагать посередине.

Развитие скотного двора этого типа в литовских условиях пошло по иному пути, чем у соседних славянских народов. В отличие от русских и белоруссов, у которых двор часто непосредственно примыкал к жилому дому, у литовцев хозяйственные постройки располагались отдельно от него.

Теперь намысы уже не годились как помещения для хлева.

Какая же участь постигла древнелитовский намас? Беценбергер и др. были того мнения, что древнелитовское строение — намас не исчезло, а развилось в нынешние традиционные жилые дома литовского народа. Такое предположение не удовлетворило другого исследователя литовской древней культуры А. Межинского, по мнению которого, Беценбергер ошибается, предполагая, что древнелитовский намас сросся с теперешним жилым домом.

Межинский предполагал, что древнелитовский намас был особым помещением, на которое не похоже латинское *domus* или славянское дом, так как и в древних документах его так не называют. Древнелитовский намас в древних документах упоминается или как литовский намас, или

же по-латыни *turris* или по-славянски *wieża*. Различие наименований заключается в том, что *wieża* употреблялась в Литве в другом смысле, как у соседей славян. Южные и западные славяне тоже имели помещение, которое называли *wjaža*. Это обозначало кухню. Помещение под названием намас мы находим и у латышей, однако это название означало нечто иное, чем у литовцев. Латыши словом «намс» называли кухню, в которой находилась печка для выпечки хлеба. Из-за функциональных различий литовский намас и латышский намс постигла разная участь. Латышский намс в дальнейшем превратился в традиционный жилой дом. Это произошло тогда, когда латыши пристроили к своему намс жилое помещение, называемое истаба (*istaba*). Латыши приготавливали и выпекали хлеб в старом намс, а в жилом помещении истаба не было кухни. У литовцев же было наоборот. Латышский намс не исчез: он и по сей день остался кухней.

Латыши и поныне центральное помещение своего жилого дома называют намс. В нем находится и так называемый мантелскурстенс (*mantelskurstens*), имеющий сходство с литовским камином. Однако между камином, находящимся в сенях литовского традиционного дома, и латышским мантелскурстенс имелась разница. Латышский мантелскурстенс — это кухня с печкой для выпечки хлеба, у литовцев же кухни в камине встречаются редко, за исключением северо-западных жемайтов. В каминных литовских народных жилых домов были устроены только очень примитивные открытые очаги, на которых летом готовили завтрак и ужин. Большинство их использовалось для копчения мяса, сала и т. п.

Нет основания предполагать, что литовские традиционные дома происходили от древнелитовского намаса и что намас — теперешние сени, как это могло быть в Латвии и как это должно было быть в северо-западной Жемайтин. Такое вращение намаса противоречит правилам развития традиционных домов литовского народа и строительным конструкциям. Древнелитовский намас исчез — он стал хлевом. Корни происхождения сегодняшнего традиционного жилого дома литовского народа исходят из другого нежилого помещения, в котором находилась печь для выпечки хлеба.

Этот новый прототип сегодняшнего традиционного жилого дома развивался на основе конструкции древнелитовского намаса.

Прототипом жилых домов, из которого в дальнейшем развились традиционные жилые дома, было теплое помещение с печью, не имеющее ничего общего с печью бани или риги. Печь, по мнению языковедов, появилась в Литве позже. Советские ученые, исследуя землянки и полужемлянки VIII и IX веков, уже находили печи; польские археологи нашли что-то похожее на печь в поселениях XI и XII веков. На территории Литвы в местах поселения XIII века печей пока не обнаружено; более значительные остатки печей найдены в 1956 году при исследовании в Вильнюсе здания XIV века.

Предполагается, что тип печи в Литве позаимствован из ранее появившихся печей в России. Но постройка печи внутри избы в Великом княжестве Литовском была иная, чем у русских. В Великом Княжестве Литовском печь, как и в банях и ригах, была поставлена ближе к дверям, ведущим в жилые помещения. Между тем у русских она стояла в углу у задней стены.

Современные традиционные жилые дома в Литве по своей конструкции делятся на три основных варианта, которые совпадают с территориями аукштайтов, жемайтов и занеманцев. Эти дома, кроме существенных общих элементов, имеют и некоторые различия. Эти различия можно было уже найти и в древнелитовском намас. Например, намасы жемай-

тов так же, как и их сегодняшние традиционные жилые дома, имели больше помещений, а среди них и такие, которые не были известны, напр., аукштайтам. Другое различие, несомненно, могло появиться в результате эволюции традиционных жилых домов в связи с развитием экономических отношений и разницей в обычаях.

ТРАДИЦИОННЫЕ ЛИТОВСКИЕ КРЕСТЬЯНСКИЕ ЖИЛЫЕ ДОМА

Из. БУТКЯВИЧЮС

В статье дана характеристика литовских крестьянских жилых домов, построенных в XIX—XX вв. На основании территориальных различий они делятся на жемайтские — троба (*troba*), аукштайтские — пиркя (*pirkia*) и ужнямунские — гринча, стуба (*grinčia, stuba*). Упомянутые три типа жилых домов в этнографической литературе принято называть традиционными.

Жемайтский жилой дом троба (*troba*) характеризуется исключительно сложной внутренней планировкой. В центре дома находится камин с открытым очагом, служащий для варки корма скоту, а летом для приготовления пищи. Камин и сени разделяют дом на две половины, каждая из которых делится продольной капитальной стеной на несколько помещений. Число комнат колеблется от 5 до 15. По внешней форме жемайтский дом отличается массивностью; корпус широкий и длинный, стены невысокие, вертикально обшитые досками, крыша соломенная, полувальмовая, иногда с треугольными дымовыми отверстиями. Территория распространения жемайтского дома на востоке достигает реки Дубисы. Жемайтская троба начала развиваться в конце XVI в. Прототипом тробы был нумас, т. е. старинная надземная постройка с открытым очагом, до XVI в. использовавшаяся для жилья и в качестве помещения для скота. Наличие резко выраженного классового расслоения в деревне привело в XX в. к значительному разнообразию в жилом доме. Большие различия выражались в размерах дома, в числе комнат, планировке, в интерьере.

Аукштайтский жилой дом пиркя (*pirkia*) представляет собой особый тип. Его развитие шло по другому пути, чем развитие жемайтского дома: аукштайтский жилой дом развивался из курной избы. Для аукштайтского жилого дома характерны следующие признаки: 1) в отношении плана — весь дом двумя поперечными капитальными стенами делится на три основные части: избу, сени и светлицу, или комору; 2) в отношении внешней формы — он отличается узким и длинным корпусом, соломенной двухскатной, реже полувальмовой, крышей, у главного фасада расположено крыльцо. Аукштайтский тип жилого дома распространен в восточной части Литовской ССР до реки Невежис, а в юго-восточной части Литвы — до среднего течения реки Нямунас. Аукштайтский дом с трехкамерной планировкой встречался у различных слоев крестьян, начиная от малоземельных и кончая кулаками; различия существовали лишь в размерах и количестве комнат.

Ужнямунский жилой дом (*grinčia-stuba*) прошел аналогичный с жемайтской тробой путь развития, но в XIX в., в связи с особым положением этого края, приобрел существенные отличия. Для ужнямунского жилого дома характерны следующие черты: план асимметричен, число

комнат колеблется от 6 до 10. В одной половине дома находятся пиркчия (*pirkčia*), или шейминстубе (*šeimynstubė*) (т. е. комната для повседневной работы). Центр жилого дома занят кухней, перед которой с одной стороны расположены сени; во второй половине дома находится помещение для гостей и спальня. Ужнямунский жилой дом отличается также своеобразной обогревательной системой: в кухне у плиты имеется невысокая обогревательная стенка зеликис (*zelikis*). Камин в ужнямунском жилом доме небольших размеров, начинается только с потолка. Корпус дома длинный, неширокий, стены высокие, обшитые вертикально досками. Крыша двухскатная черепичная, соломенная или тесовая. Основной жилищный фонд в Ужнямуне составляли дома кулаков и середняков. Для батраков обычно строились отдельные жилые дома подальше от усадьбы хозяина, один на 2—4 батрацких семьи.

Кроме того, в статье анализируются составные части внешней архитектуры жилого дома: фундамент, стены, крыша, окна, двери, крыльцо.

В конце статьи говорится об использовании традиционных жилых домов в качестве жилья в настоящее время. Оно идет по двум направлениям: 1) многие жилые дома используются прежними их собственниками, 2) в бывших кулацких жилых домах живут новые хозяева, семьи бывших батраков, обычно по две семьи: одна в хозяйственном конце, другая — в чистом конце дома.

РЫБАЦКОЕ ЖИЛИЩЕ НА КУРШСКОЙ КОСЕ

Из. БУТКЯВИЧЮС

В статье обобщены полевые данные, собранные автором в 1956 г. по жилищам рыбаков Куршской косы и дельты Нямунаса.

Основная цель статьи — дать характеристику жилища рыбаков, выявить некоторые особенности рыбацких поселков.

Все основные рыбацкие поселки: Нида, Прейла, Первалка, Иодкранте — уличного типа; в дельте Нямунаса поселки: Минге, Шиша, Пакальне также уличные, но вместо улицы течет река, а через реку мостов нет.

Усадьбы приморских рыбаков имеют более яркую тенденцию к образованию групповых деревень. Они располагаются группами, которые создают вид уличной деревни. Для рыбацких деревень характерно имеющееся у берега моря поле для сетей, где каждая усадьба, в зависимости от числа членов семьи и экономического положения, владела определенной площадью для хранения сетей. На всем прибрежном поле имеются кольца для сушки сетей. Между кольями, параллельно берегу моря, имеются проходы. Каждому рыбаку принадлежало определенное число колец или проходов, которые по наследству переходили из поколения в поколение.

В рыбацкой усадьбе основными постройками являются: жилой дом и хлев. Жилые дома стоят концами в сторону залива, хлев — против жилого дома или в одной линии с жилым домом.

Жилые дома рыбаков своеобразного характера как по внешней форме, так и по плану. Их дома следует считать близкими к жилым домам жемайтских крестьян. Эти дома, в особенности старые, с полувальмовой крышей, близки жемайтской тробе. Внутренний план своеобразен. Неширокий коридор разделяет весь дом поперек на две половины: для семьи

и для гостей. Такой план возник по экономическим соображениям, поскольку эти дома являлись также и дачами. В летнее время половина дома сдавалась в аренду, а зимой использовалась как кладовая.

Для всех рыбацких домов характерны следующие украшения: орнаментированные доски на концах и коньки на крыше. Дома чаще всего окрашены в коричневый или темно-красный цвет.

Внутреннее убранство и меблировка жилых домов рыбаков Куршской косы свидетельствуют о высоком уровне материальной культуры этого края.

ПЛОТНИКИ И ИХ ОРУДИЯ ТРУДА

В. ЖИЛЕНАС

Литовское традиционное народное зодчество было сплошь деревянным. Исключение составляют западные районы Лит. ССР, в которых значительная часть помещений была из кирпича. Однако и эти кирпичные здания не были древнего происхождения. В Литве до конца XVIII столетия большинство зданий, не исключая также домов культа и дворянских построек, были деревянные.

Дома строили опытные плотники. Специальность плотника они приобрели после 3—5-летнего обучения у опытных строителей, которых было немного — несколько человек на волость.

Плотническое искусство имеет в Литве свои традиции. Плотники были известны еще с начала феодализма, т. е. с тех времен, когда города и большие имения имели своих плотников, которые строили деревянные дома, мосты и т. п. Плотники объединялись в цехи, как напр. в Могилеве.

Работа плотников была специализирована. Неквалифицированные, т. е. чернорабочие плотники готовили материал для стройки, обрезают и обтесывали бревна стен, пилили доски и заготавливали другие строительные материалы. Остальные, так наз. настоящие плотники, делали срубы, сооружали конструкции крыш. На этом они считали свою работу законченной. Столярными работами занимались другие. Они изготовляли установки окон, дверей, стлали пол, ставили потолок и т. д.

Орудиями труда плотников уже с XVI века являлись топоры, пилы и буравы. Пилы применялись двух типов — продольные и поперечные. Эти инструменты были очень дорогие. Бревна распиливались на доски продольными пилами.

Бревна стен чаще всего были тесаные. Поэтому многие предполагают, что пилы, как рабочий инструмент, не были известны в Литве, что они вошли в употребление только в XVIII веке. Это, однако, недостоверно, так как о пилах уже упоминалось в самых первых источниках истории Литвы.

УСТРОЙСТВО ДЛЯ ПРИГОТОВЛЕНИЯ ПИЩИ У ЛИТОВСКИХ КРЕСТЬЯН

В. МИЛЮС

В связи с различными путями развития литовского жилища в отдельных частях Литвы существовали, а отчасти и в настоящее время существуют, различные приспособления для приготовления пищи. Отчасти

эти различия можно объяснить взаимосвязями литовской народной культуры с культурами соседних народов.

В самом древнем литовском жилище *намасе* (*namas*) был открытый очаг, состоявший из трех частей: неглубокой четырехугольной или круглой ямы для разведения огня, колпака, сделанного из жердей и обмазанного глиной, установленного над поперечными балками для защиты соломенной крыши от пожара, и крюка для подвешивания котла. Крюк был двух типов: прикрепленный к стене деревянными полукольцами и висящий под балкой. Открытый очаг с крюком перешел в камин жемайтского жилого дома (*troba*), который с XVI в. начал вытеснять древний *намас* и существует как традиционная постройка до наших дней. В камине летом готовили пищу. Здесь неподвижно был устроен большой котел для варки корма свиньям и кипячения белья, а в верхней части коптили сало, мясо, колбасу. Печь для выпечки хлеба в Жемайтии была устроена в жилом доме, но чаще всего для нее строилась отдельная небольшая постройка (*numalis, ubladė*) на дворе.

В избах Аукштайтии была устроена большая печь, которая имела широкое бытовое применение: в ней пекли хлеб, готовили пищу, сушили зерно для размолы ручными жерновами, на верху спали старые члены семьи или дети, а в подпечье зимой держали кур. Вначале печь топилась по черному, а с середины XIX в. распространилась топка по белому. Отпали и другие функции печи; в ней в настоящее время пекут только хлеб и в Аукштайтии готовят главную еду — завтрак.

В Жемайтии и Ужнямуне с прошлого столетия распространилась плита для приготовления пищи с чугунными кольцами. Но в этих двух областях в прошлом столетии она имела свои прототипы: в жемайтском доме был устроен столик, обложенный кирпичами и обмазанный глиной, в Ужнямуне — подвижное устройство из кирпичей и глины кубической формы на четырех ножках. Здесь варили на треножнике или котел подвешивали на крюк. В XX в. плита в Литве получила почти повсеместное распространение. Она распространилась от западных районов к восточным. В Аукштайтии она пристраивалась сбоку большой печи или перед ее устьем.

Некоторые из указанных устройств не ограничиваются территорией Литвы: так, камин с открытым очагом и печь для выпечки хлеба с отверстиями над устьем характерны для Жемайтии и Курземе, печь с широким бытовым применением — для Аукштайтии, Латгале и восточнославянских стран. В указанных территориях общими являются не только устройства, но и весь инвентарь, употребляемый для приготовления пищи.

СРЕДСТВА СУХОПУТНОГО СООБЩЕНИЯ ЛИТОВЦЕВ

С. БЕРНОТЕНЕ

Основное сообщение крестьян до наших дней — сообщение лошадьми. Но в колхозной жизни в большинстве случаев сообщение лошадьми заменяют машины, чаще всего на дальних дистанциях. Конное сообщение в различные времена года отличается друг от друга и разделяется на сообщение зимнее и летнее. Основные средства сообщения крестьян — телеги, которые упоминаются в довольно ранних документах. До

XIX века телеги крестьян были деревянные, совсем без железных частей. По своей конструкции рабочие телеги делятся на одноконные и двухконные. Двухконная телега чаще всего употребляема для перевозки тяжестей. Но одноконное и двухконное сообщение лошадьми имеет и свой районный характер. Например, в Аукштайтии ездят одной лошадью и запрягают ее в хомут и дугу, в центральной Литве и в Жемайтии ездят одной и двумя лошадьми, запрягая их в хомут без дуги; в Ужнямуне ездят двумя лошадьми и запрягают в шлеи. В этих трех указанных областях телеги различны и по своей конструкции. Выходные телеги крестьян распространились главным образом после уничтожения крепостного права; вошли в употребление различные брички. После первой мировой войны этоны и линейки. Крестьянские средства сообщения, как зимние, так и летние делятся на рабочие — сани и шлай (*rogės* и *šlajos*) и выходные — важеляй и шлаюкай (*važeliai* и *šlajukai*). В Аукштайтии характерны сани и важеляй, граница их употребления совпадает с одноконной телегой. В других областях Литвы употребляют шлай и шлаюкай.

Упряжь, как и средства сообщения, делится на рабочую и выходную. Способы запрягания, как и средства сообщения, также различны. Например, в Аукштайтии запрягают в хомут и дугу, в центральной Литве и Жемайтии — в хомут без дуги, а в Ужнямуне — в шлеи. Выходная упряжь кожаная.

В настоящее время в колхозной деревне выходные средства сообщения и выходная упряжь исчезают, ибо новых не делают. Большинство рабочих средств сообщения старые, отремонтированные (новых почти не делают), поэтому новых форм и типов средств сообщения не встречено.

ТРАДИЦИИ ПРЯДЕНИЯ И ТКАЧЕСТВА ЛИТВЫ

М. ГЛЕМЖАЙТЕ

В период феодализма развитие домашнего прядения и ткачества определялось натуральным, замкнутым характером как крестьянского, так и помещичьего хозяйства. Все ткани изготовлялись крестьянками на дому. Основным сырьем ткани были лен и шерсть. Пряли веретенами, ткали на примитивных ткацких станках. Эта кропотливая работа требовала много труда и времени. Крестьянки пряли и ткали в курных хатах вечерами при лучине или урывая время от полевых работ. Крестьянки свои ткани, созданные ценою большого труда в тяжелых условиях, очень ценили и самые красивые ткани переходили в наследство из рода в род.

В течение веков в связи с процессами обработки льна, шерсти, прядения и ткачества создавались своеобразные обычаи, оформились традиционные приемы создания узорных тканей. Из старинных литовских песен видно, что искусство прядения и ткачества было обязательно для каждой женщины и девушки. Они с ранних лет приучались прясть и ткать. Стать хорошей ткачихой было заветной мечтой каждой девушки. Эта тема занимает немало места в старинной народной поэзии, где с большой нежностью упоминается девушка-ткачиха.

По обычаю, который сохранился и до нашего времени, крестьянские девушки сами ткали себе в приданое предметы домашнего обихода и складывали свое добро в особые сундуки, так наз. крайчумбле

(*kraičbumblė*), крайкубилис (*kraičkubilis*), а позднее получили распространение крайчо скриня (*kraičių skrynja*).

Развитие капиталистических отношений в литовской деревне после реформы 1861 г. разрушило натуральный характер хозяйства и внесло ряд изменений в домашнее прядение и ткачество. Примерно с 70-х годов XIX в. для основы некоторых тканей стали употребляться хлопчато-бумажные канупные нитки. Также стали употреблять краски фабричного производства.

В конце XIX в. в крестьянском быту появились усовершенствованные орудия производства, как напр., самопрядки «ратяляй», которые во всей Литве вытеснили веретена. Но все эти новшества были доступны только богатой крестьянской верхушке, а беднота, не имея возможности покупать хлопчатобумажные нитки, краски, фабричные ткани, продолжала заниматься домашним производством. Все это способствовало сохранению вековых традиций народного творчества.

В Советской Литве все крестьяне имеют возможность покупать готовые фабричные ткани, однако народное прядение и ткачество сохранились и до наших дней. Ткани для национальных костюмов, полотенец, скатертей, покрывал и т. п. и сейчас изготавливаются опытными руками народных мастериц. Необходимо отметить, что в тканях колхозной деревни лен все чаще заменяется хлопчатобумажными или шелковыми нитями.

За последнее время на всей территории Литвы, наряду с традиционными геометрическими и стилизованными узорами в литовской ткани, а именно в ткани полотенец и покрывал, появляются новые узоры с растительными мотивами, которые не могут конкурировать с традиционными народными узорами.

ПУШКАРНЯ В ВАЛЬКИНИНКАЙ В XVII В.

В. ЖИЛЕНАС

Война с Ливонией заставила Великое Княжество Литовское реорганизовать свои войска и снабдить их новым оружием. С этой целью великий князь создавал на территории Литвы пушкарни, из которых ныне известны две — в Вильнюсе и Валькининкай. Вильнюсская пушкарня была основана между 1524 и 1548 годами, а в Валькининкай — в 1551 году. Обе они принадлежали князю и обеими руководил один и тот же назначенный им человек.

Пушкарня в Валькининкай была построена на берегу реки Шпенгла, где и по сей день находится деревня под названием Пушкарня. Механизм пушкарни приводился в движение с помощью воды.

В пушкарне имелись печи с большими трубами, в которых ковался металл, и одна печь для плавки железа из руды, добываемой в окружающих болотах.

Орудия изготовлялись двумя способами: ковкой (чеканкой) и литьем. Сырьем для оружия служила болотная руда. Крестьяне окрестных деревень обязаны были помогать в этой работе. Каждый месяц они добывали и доставляли около 1 т железной руды.

Помимо оружия, изготовлялся также порох. Производством оружия руководили пушкарни; их бывало до 7 человек. Пушкарни руководили всеми технологическими процессами, а во время войны брали на себя обязанность обслуживать пушку. Кроме них, в пушкарнях работали также

золотых дел мастера. Обязанностью последних являлось разукрашивание оружия орнаментами.

В пушкарне было занято большое количество подсобного персонала. Между 1605 и 1611 годами здесь работали еще 34 коваля, 29 колесников, 16 сапожников, которые шили кожаные мешки для пороха, 6 скорняков и т. д.

Когда была ликвидирована пушкарня в Валькининкай, точных данных не имеется. Мы знаем лишь, что она работала еще в 1641 году. Существует предположение, что ее разрушили после 1655 года. Именно в этот период была разорена вся Литва, а также разрушена пушкарня в Вильнюсе.

КРЕСТЬЯНСКИЕ МАГАЗИНЫ В ЛИТВЕ

Р. СТРАЗДУНАЙТЕ

Во время крепостной зависимости жизненный уровень крестьян был очень низкий; хозяйство их часто постигали всякие экономические бедствия вроде неурожая, пожара, голода и т. п. Все это было в целом следствием кризиса существовавшего феодального строя. Однако помещики, при всем их корыстолюбии, не были заинтересованы в том, чтобы их крестьяне окончательно разорились, ибо это обстоятельство пагубно отразилось бы и на материальном положении самих помещиков, т. к. лишало бы их надежных налогоплательщиков. Крестьянские магазины, появившиеся еще в XVIII веке, представляли собою усилия хотя бы частично оградить крестьянское хозяйство от полного разорения. Чтобы внушить крестьянам большее доверие при выполнении их новых обязательств, было разрешено представителям самих крестьян вести административные дела магазина. Однако то обстоятельство, что наряду с ними в этом деле принимали участие и ставленники помещиков, значительно снижало значение крестьянского представительства, так как помещики могли не только контролировать деятельность магазина, но и злоупотреблять его запасами. Об этом свидетельствуют не только многочисленные жалобы крестьян, чьи магазинные запасы подвергались ограблению со стороны помещиков, но и сообщения губернским властям об итогах ревизий, сделанных официальными лицами.

Все эти обстоятельства, при оценке общего значения сельских магазинов для крестьян, дали повод в данной статье сделать вывод, что существование магазинов могло помочь крестьянам только в единичных случаях. Остальная же масса людей, в конечном итоге, не только лишалась этой помощи, но и терпела большие убытки. Таким образом, магазины, созданные по инициативе помещиков, не дали и не могли дать тех желаемых результатов, на которые рассчитывало дворянство. Это и понятно, потому что при крепостничестве всякая подобная попытка терпела неудачу; причиной этому был отсталый феодальный строй, который препятствовал развитию новых производительных сил.

РЫКУНЯ

Д. БУТЕНАС

В литовском языке есть немало исчезнувших слов. Они исчезли вместе с теми предметами или людьми, которых они обозначали. Выяснение этих исчезнувших слов и определений играет значительную роль для истории

культуры литовского народа. К числу исчезнувших слов, которые довольно широко были известны в феодальном обществе, принадлежит слово рыкуня (*rykūnė*). Это слово в XVI—XVIII веках употреблялось в официальном языке древних актов на территории этнографической Литвы, а также в некоторых местах Белоруссии и Украины.

Развитие сельского хозяйства стимулировало дальнейшее распределение труда в производстве, появление целого ряда людей, связанных с определенными хозяйственными работами. В помещичьем хозяйстве феодальной Литвы в XVI веке особенно большое значение приобретает скотоводство. Для выращивания и присмотра за продуктивным скотом, а также для учета и выделывания получаемых от них продуктов стали назначать одного человека, который через некоторое время становился специалистом в своей работе. Главным лицом, которое осуществляло уход за стадом продуктивного скота, была женщина, обыкновенно называемая рыкуней.

В первой половине XVI века рыкуней назначалась женщина из среды невольной дворовой челяди. Рыкуня жила в общем доме дворовой челяди, а за свой труд получала содержание.

Под воздействием экономических отношений постепенно менялось имущественное и социальное положение невольной дворовой челяди, а также и рыкуни. К половине XVI века в некоторых местах рыкуня стала получать на содержание больше, чем другие члены челяди. Она получала в частное пользование отдельный домик с хозяйственными постройками. Хотя рыкуня не была вольным человеком, но это ей не мешало вступать в брак даже с вольным.

После волочной реформы и позже, до половины XVII века, скотоводство продолжает занимать важное место в общей деятельности феодального хозяйства. Для развития скотоводства в поместьях находятся рыкуни с назначенными для них помощниками.

Быт рыкуни зависел от ее социального и экономического положения в поместьи. В государственных поместьях рыкуни нанимались. За труд им платили деньгами и натурой. В поместьях частных владельцев рыкуням часто платили только натурой. Рыкуня жила в общем доме челяди дворной-челядни, но из-за специфики ее работы ее старались помещать в отдельный домик с хозяйственными постройками. Встречаем рыкуней, которые имеют свой скот, чаще всего — овец.

Во второй половине XVII века, особенно в конце его, в сильно разложившемся помещичьем хозяйстве пришло в упадок и скотоводство. Помещики стали отказываться и от отдельного человека, заведывавшего скотоводством. Скотоводство шире стало развиваться уже в XVIII веке, но к концу этого века имя рыкуней все реже упоминается в источниках. Лицо, занимающееся подобной работой в поместьи, стали называть дворкой, господиней. В первой половине XIX века слова рыкуня уже не встречаем, этот термин уже исчез.

ЛИТОВСКАЯ СЕМЬЯ В XIII—XIV ВЕКАХ

Ю. ЮРГИНИС

Хроники и другого рода источники XIII века о литовской семье дают много противоречивых сведений. В письме римского папы с 1217 года и в Христбургском договоре 1249 года говорится, что литовцы имеют по несколько жен, что они жен продают и покупают. То же самое говорится

и в Хронике Дусбурга. Буржуазные историки приняли эти сведения без всякой критики и распространили мнение, что в XIII веке среди литовцев преобладала полигамия.

Автор настоящей статьи доказывает несостоятельность такого мнения. Во-первых, указывается на то, что из текста Христбургского договора явствует наличие у пруссов и литовцев наследственного института. Право наследия не применялось только для дочерей. Для сыновей и других родственников мужского пола это право было явно регламентировано, что не могло быть при полигамии. Кроме того, в Хронике Дусбурга и в других источниках описываются нападения крестоносцев на усадьбы литовских бояр и князей и подробно перечисляется людская добыча: указывается, сколько взято в плен детей, челяди, иногда указывается имя жены боярина, но мы не находим ни одного случая, чтобы в доме боярина или князя, не говоря уже о крестьянах, было бы найдено более чем одна жена. Историкам известны имена жен великих князей литовских до введения христианства (1387 г.), и никто не обнаруживает у князей-язычников по две жены. Откуда же возникло мнение о многоженстве литовцев в XIII веке?

Авторами хроник и других письменных источников были распространители христианства, которые изображали язычников-литовцев как варваров. Апологеты католической церкви многоженством называли не что иное, как расторжимость брака, что могло иметь место как у язычников, так и у христиан.

Хронисты продажей и покупкой жен называли традиционный выкуп невесты женихом сначала у отца, а позже — у феодала, когда крестьяне стали крепостными. Выкупные деньги назывались хреной и применялись в Литовском феодальном государстве до конца XVIII века.

В статье также разбирается вопрос о большой семье, или семейной общине. Автор возражает тем авторам, которые «службу» (единицу феодального обложения крестьян первой половины XVI века) и крестьянский двор из нескольких семей (первой половины XIX века) считают остатками больших семей первобытного общества. Служба, или дворище, образовалось тогда, когда в процессе закрепощения крестьян крестьянский дом (дым) был превращен в единицу феодальных повинностей. В XIII—XIV веках у крестьян-общинников индивидуальная семья составляла хозяйственную единицу. Это видно из книги записей Литовской Метрики и других документов.

ИМУЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ ЛИТОВСКОЙ КРЕСТЬЯНСКОЙ СЕМЬИ В XIX—XX вв.

А. ВИШНЯУСКАЙТЕ

До последнего времени в этнографической литературе встречалось мнение, что большие неразделенные семьи, встречавшиеся кое-где в Литве в первой половине XIX в., а местами даже в конце XIX и в начале XX вв., являлись не чем иным, как реликтами родоплеменных отношений. Основу для такого суждения дала статья И. Виторта «Литовское семейное общество», опубликованная в 1895 году в польском журнале «Висла», в которой утверждается, что в Литве, особенно в северных, соседних с Курземе, Шяуляйском и Паневежском уездах, в XIX в. встречались крестьянские семьи типа сербской задруги, в которых с родителями

совместно жили как женатые сыновья, так и замужние дочери со своими супругами и детьми.

В данной статье, на основании существовавших в XIX—XX вв. среди литовских крестьян имущественных отношений, опровергается указанное утверждение Виторта и доказывается, что изредка кое-где в начале XX в. встречаемые большие литовские семьи отнюдь не являлись остатками древних родоплеменных объединений, так как в XIII веке у литовцев уже существовала малая разделенная семья, а лишь отражением крестьянских объединений, не всегда даже родственных, искусственно созданных в связи с феодальной эксплуатацией.

В связи с тем, что в первой половине XIX века феодальные повинности высчитывались не от земельного участка, а от крестьянского двора в целом, и помещики были заинтересованы как можно больше укрепить экономическую и физическую мощь крестьянского двора, специальными инструкциями устанавливалось число как всего инвентаря, так и физической силы в каждом крестьянском дворе, не разрешались семейные разделы. Для того, чтобы члены такого крестьянского двора подчинялись старшему — хозяину, теми же инструкциями одновременно устанавливался порядок их наказания прутьями.

С другой стороны, и в то время существовало много разделенных крестьянских семей с небольшим количеством членов. О том говорят жалобы литовских крестьян царю по поводу невозможности выполнения всех требуемых помещиками работ из-за малочисленности семьи.

Таким образом, в первой половине XIX в., накануне гибели феодализма, в развитии форм и взаимоотношений литовской крестьянской семьи проявились две тенденции: с одной стороны, усилия помещика увеличить доходы поместий за счет увеличения эксплуатации крестьян; для этого укреплялась экономическая мощь крестьянского двора и с этой целью устанавливался минимум скота, инвентаря и рабочей силы для каждого двора с тем, чтобы препятствовать натуральному дроблению крестьянских семей. С другой стороны, одновременно проявлялось стремление крестьян к выделению женатых пар в отдельные двора. В первой стадии это стремление проявлялось в том, что женатые сыновья внутри родительской семьи создавали отдельные домашние хозяйства, т. е. распределялись между семьями продуктами общего труда, что практически проявлялось отдельным питанием подобных семей.

Из этого вытекает вывод, что в первой половине XIX в., несмотря на общее направление феодального хозяйства, поощрявшего формирование крестьянских семей в больших, экономически более сильных коллективах, известную часть крестьянских дворов составляли разделенные малые семьи. Дворы этого типа могли создавать лишь крестьяне экономически более сильные, имевшие возможность нанимать челядь для выполнения повинных работ.

Во второй половине XIX в., после отмены крепостного права, несмотря на общинное управление землей, которое в Литве являлось тормозящей силой для развития крестьянского хозяйства, крестьянские семьи стали особенно быстрыми темпами дробиться. Данный процесс более ярко прослеживается в западных и северных, в экономическом отношении более развитых, районах, в то время как в менее развитых южных и южно-восточных районах Литвы он был менее ярким, и неразделенные семьи («*draugė*») здесь встречались еще после первой мировой войны.

Поскольку дробление семьи шло независимо от оставшегося общинного управления землей после отмены крепостного права, дробление имущества семьи в большинстве случаев происходило на основе словесного домашнего договора между сторонами.

Дробление имущества шло тремя направлениями: 1) взрослые сыновья после смерти отца делили между собою его землю, 2) один из сыновей оставался хозяином и выплачивал другим их долю деньгами, 3) один из сыновей оставался хозяином, обязываясь выплачивать своим престарелым родителям и несовершеннолетним братьям и сестрам их долю в виде особой формы иждивения, т. н. ишимтине (*išimtinė*), при условии, что последние не вмешиваются в управление хозяйством.

Закон от 9 ноября 1906 г., которым было уничтожено общинное управление крестьянским двором, в области имущественных отношений литовских крестьян означал своеобразную революцию. На это указывают два момента: 1) особенно быстрый темп дробления крестьянских семей, 2) обильные судебные дела из-за земли. Первый момент был не чем иным, как оформлением уже раньше в силу обычаев происходившего дробления крестьянских семей: индивидуальная разделенная литовская крестьянская семья в начале XX в. была окончательно оформлена как самостоятельная хозяйственная единица с равными правами собственности и наследования для каждого взрослого ее члена.

Имущественные отношения крестьянской семьи до 1922 г. в Литве регулировались по обычному праву: отцовское хозяйство доставалось равными частями сыновьям, а дочери, выходя в невестки, получали приданое. В Ужнямуне, где действовал кодекс Наполеона, отцовское хозяйство обычно наследовал старший сын, который своим братьям и сестрам их доли выплачивал деньгами, а родителям давал ежегодную дань натурой, т. н. ишимтине.

Ишимтине особенно широко применялась в Жемайтии и Ужнямуне и в меньшей степени в восточной части Литвы, где до начала XIX в. она встречалась исключительно редко.

Приносимую часть имущества невестки составляло приданое, которое у литовцев встречается двух видов: 1) крайтис, т. е. движимое имущество, скопленное в сундуках: полотно, полотенца, покрывала, мебель и предметы домашнего обихода и 2) пасога, т. е. деньги, скот, сельскохозяйственные продукты и инвентарь. В пасогу по традиции входил конь в упряжке и корова. Величина пасоги невесты зависела от экономической мощи хозяйства как ее родителей, так и ее будущего мужа. Вопрос пасоги занимал важное место в литовских свадебных обычаях. В случае смерти мужа в течение одного года бездетная вдова часто возвращалась к родителям, возвращая также свою пасогу.

Наряду с выходом девушек в невестки, в Литве широкое распространение имел выход парней в ужкурисы (*užkurys*). Ужкурисом назывался мужчина, вошедший в хозяйство жены. Правовое положение его в семье жены было равное положению невестки в семье мужа: он только в исключительных случаях являлся хозяином дома, обычно же был лишь его управляющим.

Из всего сказанного делается вывод, что имущественные отношения литовской крестьянской семьи XIX в. и первых десятилетий XX в. являются ярким отражением всех свойственных капитализму противоречий, когда даже самые интимные отношения основывались на экономическом расчете.

С. ДАУКАНТАС, КАК СОБИРАТЕЛЬ, ИЗДАТЕЛЬ И ЦЕНИТЕЛЬ ЛИТОВСКОГО ФОЛЬКЛОРА

К. ГРИГАС

С. Даукантас является одним из главных собирателей, издателей и ценителей литовского фольклора первой половины XIX века. В настоящей статье рассматриваются имеющиеся факты об его деятельности как фольклориста, а также причины, условия и характер этой деятельности; делается попытка установить место Даукантаса-фольклориста в истории культуры Литвы.

Крестьянин по происхождению, С. Даукантас уже в детстве имел возможность познакомиться с фольклором. В Вильнюсском университете, в котором он учился, много внимания уделялось народному творчеству. Профессора университета, как историки И. Онацевич, И. Данилович, И. Лелевель, литератор И. Лобойко и другие обращали внимание студентов на изучение истории и культуры Литвы, подчеркивали значение изучения фольклорных и языковых данных. Интерес к народной культуре возник под влиянием демократических тенденций некоторых профессоров и студенческих организаций; его обусловила точка зрения историков того времени, что с помощью народного творчества и языка можно лучше выявить основные черты отдельных народов. В университете вместе с С. Даукантасом учились С. Станявичус, Каetonас Незабитаускис и другие литовцы, по происхождению крестьяне и мелкие дворяне, которые в то время начали активно издавать книги на литовском языке, стараясь содействовать этим развитию литовской литературы и письменности. В такой обстановке сформировалось демократическо-патриотическое мировоззрение С. Даукантаса, созрели планы его научной и культурной деятельности.

Ставя перед собой задачу — пробуждать национальное сознание литовского народа и ненависть к национальному и классовому гнету, развивать литовскую письменность и литературу, С. Даукантас решил написать историю Литвы, стремился составлять словари литовского языка, издавать учебники, книги художественного и хозяйственно-практического содержания. В этой программе значительное место занимало собирание и публикование литовского фольклора.

Почти во всех своих исторических произведениях, особенно в труде об истории культуры Литвы «Будас» («Būdas»), С. Даукантас использовал тексты и некоторые мотивы литовского фольклора, оценивал литовское народно-поэтическое творчество как материал, в котором можно найти немало интересных данных о духовной жизни литовцев в прошлом. В предисловии перевода басен Федра, сделанного С. Даукантасом в 1824 году (издан в 1846 г.), он поставил вопрос о собирании и печатании литовских народных сказок. Там же, как и в предисловии сборника песен («Dainės Žiamajtiui») изданном в 1846 году, он затрагивал некоторые вопросы художественной формы и социального содержания литовского фольклора.

Материалы основных своих сборников (первый в истории собирания литовского фольклора сборник сказок «Pasakas massiu», составленный в 1835 году, богатые материалом сборники народных песен, пословиц и поговорок) С. Даукантас собрал с помощью корреспондентов, сам проживая в Петербурге (1834—1850 гг.). Как видно из его переписки с некоторыми собирателями фольклора (К. Мойгис) и с историком Т. Нарбутом, он требовал, чтобы тексты записывались именно в таком виде, в каком они бытовали в народе. С. Даукантас глубже понимал значение

содержания и формы фольклорных произведений, чем Т. Нарбут, Ю. Крашевский, А. Юцевичус, писавшие о Литве на польском языке и пользовавшиеся материалом литовского фольклора.

Собранные тексты фольклора С. Даукантас старался публиковать, но удалось ему издать только один сборник песен (1846) и поместить немало пословиц и поговорок в разных книжках практического содержания. Все тексты сказок остались не опубликованными. Судя по характеру изданного С. Даукантасом сборника песен и из разных высказываний его о фольклоре, нельзя согласиться с мнением некоторых историков литовской литературы и фольклористики, будто в издаваемых текстах песен С. Даукантас видел правдивое отражение истории народа. По сути дела С. Даукантас, искавший, но не нашедший литовских исторических песен, фольклорные материалы старался публиковать для того чтобы сохранить для будущих поколений народное творчество своего времени и тем самым показать миру духовную культуру своего народа, дать литовской общественности лектуру, полезную по своему содержанию и языку. Неоднократно подчеркивая, что в литовском фольклоре можно найти немало отголосков прошлого, он имел в виду отражение подлинного характера литовского народа, его моральных, эстетических и общественно-политических воззрений.

Собирая и издавая фольклорные материалы, акцентируя их научно-познавательное и воспитательное значение, С. Даукантас внес ценный вклад в дело развития литовской демократической культуры первой половины XIX века. Собранные им и сохранившиеся до сих пор сборники фольклора имеют большое научное значение.

SUTRUMPINIMAI

- AES — Lietuvos TSR Mokslų akademijos Istorijos instituto archeologijos-etnografijos sektoriaus rankraštynas.
 AVK — Акты, издаваемые Виленской археографической комиссией, Вильна, 1908.
 DMA — Документы Московского Архива Министерства юстиции, I, Москва, 1897.
 GK — «Gimtasai kraštas».
 IA — Istorijos Archyvas, I tomas. XVI amžiaus Lietuvos inventoriai, surinko K. Jablonskis, Kaunas, 1934.
 IEM — Lietuvos TSR Mokslų akademijos Istorijos-etnografijos muziejus Vilniuje.
 IEM GRD — Lietuvos TSR Mokslų akademijos Istorijos-etnografijos muziejaus gautų rašinių dienynas.
 JLZ — K. Jablonskis, Lietuviški žodžiai senosios Lietuvos raštinių kalboje, I, Kaunas, 1941.
 KGG — Lietuvos TSR Centrinio valstybinio istorinio archyvo Vilniaus generalgubernatoriaus fondas.
 KSIIMK — Краткие сообщения Института истории материальной культуры.
 KUB ZB — Kauno Universiteto biblioteka, Žemaičių žemės byla.
 KVDM — Kauno Valstybinis M.-K. Ciurlionio vardo Dailės muziejus.
 LIS — Lietuvos TSR istorijos šaltiniai, I, Vilnius, 1955.
 LMD — Buvusios Lietuvių mokslo draugijos tautosakos fondai, saugojami Lietuvos TSR Mokslų akademijos Lietuvių kalbos ir literatūros institute.
 LMPb — Литовская Метрика, Книги публичных дел, I, (Русская Историческая библиотека, 30), Юрьев, 1914.
 LVDM — Lietuvos Valstybinis Dailės muziejus Vilniuje.
 MAB — Lietuvos TSR Mokslų akademijos Centrinė biblioteka.
 MAB RA — Lietuvos TSR Mokslų akademijos Centrinės bibliotekos rankraščių skyrius.
 OP — Ординация королевских пущ и лесничествах быв. Великого Княжества Литовского, 1871, Вильна.
 PJE — S. Pavlik, Polskie instruktarze economiczne, Kraków, 1929.
 SD — Lietuvos TSR Mokslų akademijos Lietuvių kalbos ir literatūros instituto bibliotekos rankraščių skyriaus Simono Daukanto fondas.
 SAM — Šiaulių etnografinis «Aušros» muziejus.
 T IX AS — Труды IX археологического съезда в Вильне 1897 г.
 VCA — Lietuvos TSR Centrinis valstybinis istorinis archyvas.
 VCA VMA — Lietuvos TSR Centrinio valstybinio istorinio archyvo Vilniaus mokslų apygardos fondas.
 VKMA — Valstybinis Kauno miesto archyvas.
 VUB — Vilniaus Valstybinio V. Kapsuko vardo universiteto Mokslinės bibliotekos rankraščių skyrius.
 VUB KC — Vilniaus Valstybinio V. Kapsuko vardo universiteto Mokslinės bibliotekos rankraščių skyriaus Cartorickių kuratorijos fondas.
 VUB ZB — Vilniaus Valstybinio V. Kapsuko vardo universiteto Mokslinės bibliotekos rankraščių skyrius, Žemaičių žemės byla.

TURINYS

Pratarmė	3
Versminio upelio I (Varenos raj.) akmens amžiaus stovykla (A. Bernotaitė)	5
Nemenčinės piliakalnis (P. Kulikauskas)	20
Migonų (Jiezno raj.) archeologiniai paminklai (R. Volkaitė-Kulikauskienė)	44
Šalčininkų rajono pilkapių tyrinėjimai (A. Tautavičius)	65
Zirgo apranga Veršvų kapinyne (O. Navickaitė)	83
Iš XIV a. Vilniaus gyventojų buities (A. Tautavičius)	94
Namas («numas») — pirminis lietuvių gyvenamojo pastato tipas (K. Cerbulėnas)	104
Lietuvių liaudies tradicinių gyvenamųjų namų susiformavimas (V. Žilėnas)	146
Tradiciniai valstiečių gyvenamieji namai (I. Butkevičius)	157
Kuršių Neringos žvejų gyvenamieji namai (I. Butkevičius)	174
Dailės ir jų darbo įrankiai (V. Žilėnas)	185
Valstiečių įrenginiai maistui gaminti (V. Milius)	189
Valstiečių sausumos susisiekimo priemonės (S. Bernotienė)	199
Verpimo ir audimo tradicijos Lietuvoje (M. Glemžaitė)	212
Saunamųjų ginklų kalykla Valkininkuose XVII a. (V. Žilėnas)	228
Valstiečių grūdų magazinai Lietuvoje (R. Strazdūnaitė)	234
Rykūnė (D. Butėnas)	243
Lietuvių šeima XIII—XIV amžiais (J. Jurginis)	248
Lietuvių valstiečių šeimos turiniai santykiai XIX a.—XX a. pirmaisiais dešimtmečiais (A. Vyšniauskaitė)	260
Simonas Daukantas — lietuvių tautosakos rinkėjas, leidėjas ir vertintojas (K. Grigas)	270
Reziūme	287
Sutrupinimai	312

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Стоянка каменного века у ручья Версминис, Варенского района (А. Берногайте)	5
Археологические исследования Неменчинского горбдича (А. Куликаускас)	20
Мигонские археологические памятники в Езнаском районе (Р. Волкайте-Куликаускаене)	44
Исследования курганов в Шальчининкском районе (А. Таутавичюс)	65
Конское снаряжение могильника Вершвай (О. Навицкайте)	83
Из быта жителей города Вильнюса в XIV в. (А. Таутавичюс)	94
Намас («нумас») — первоначальный тип литовской жилой постройки (К. Чербуленас)	104
Сформирование литовского народного жилого дома (В. Жиленас)	146
Традиционные литовские крестьянские жилые дома (Из. Буткевичюс)	157
Рыбацкое жилище на Куршской Косе (Из. Буткевичюс)	174
Плотники и их орудия труда (В. Жиленас)	185
Устройства для приготовления пищи у литовских крестьян (В. Милюс)	189
Средства сухопутного сообщения литовцев (С. Бернотене)	199
Традиции прядения и ткачества Литвы (М. Глемжайте)	212
Пушкарня в Валькининкай в XVII в. (В. Жаленас)	228
Крестьянские магазины в Литве (Р. Страздунайте)	234
Рыкуня (Д. Бутенас)	243
Семья литовцев в XIII—XIV веках (Ю. Юргинис)	248
Имущественные отношения литовской крестьянской семьи в XIX в. и в первых десятилетиях XX в. (А. Вишняускайте)	260
С. Даукантас, как собиратель, издатель и ценитель литовского фольклора (К. Григас)	270
Резюме статей	287
Сокращения	312

Pastebėtų klaidų atitaisymas

Psl.	Eilutė	Išspausdinta	Turi būti
5	2 ir 5 iš ap.	Swiatowid	Swiatowit
62	6 " "	Zaliosios piliakalnis	Zalioji
63	24 iš virš.	21 pav.	20 pav.
69	užrašas po		
134	paveikslu	pilkapio Nr. 3	pilkapio Nr. 4
136	26 iš virš.	išdėstyti	išdėstytos
176	11 " "	buvo nuo	buvo
251	13 iš ap.	Pičienė	Pyčienė
"	8 iš virš.	nėra	nėra ⁴
"	13 iš virš.	žmogumi ⁴	žmogumi ⁵
"	23 iš ap.	nebetenka ⁵	nebetenka ⁶
"	tarp 1 ir 2 iš ap.		
"	12 iš ap.	ūkiu ⁶	ūkiu ⁷
253	1 " "	⁶ K. Marksas	⁷ K. Marksas
289	10 " "	grošėi ³	grošėi ³
290	12 iš virš.	gošė	gušė
302	21 " "	Samantonis	Samantonis
304	4 iš ap.	soobšenie	soobšenie
314	7 iš virš.	kanupnė	poкупnė
"	13 " "	крестьянские	крестьянские
"	19 " "	Валькининкай	Валькининкай

Iš lietuvių kultūros istorijos

ИЗ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
ЛИТОВСКОГО НАРОДА

Госполитнаучиздат Литовской ССР, 1958 г.
На литовском языке

Redaktorė *L. Kokštienė*
Viršelis dail. *P. Rauduvės*
Techn. redaktorius *J. Kasmauskas*
Korektorės *G. Dominienė, E. Liausėdienė*

Leidiny Nr. 4652.

Pasirašyta spausdinti 1958.IX.4. LV 11029.

Tiražas 5 000 egz.

Popierius 70×108¹/₁₆=9,875 pop. l., 27,05 sp. l., 30,6 apsk. leid. l., 45 230 ženkl. 1 sp. l. Kaina Rb. 8,15

Spaudė valst. sp. «Pergalė» Vilniuje, Latako g. 6. Užsak. Nr. 681.

1,82